

Данте между Средневековьем и Ренессансом. Философская дантология Флоренского, Лосева и Библихина

Кусенко Ольга Игоревна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: isafi137@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается образ Данте в трудах П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и В.В. Библихина. Автор показывает, как, начиная с Флоренского, Данте постепенно продвигался по шкале от Средневековья до Ренессанса, при этом отношение к последнему неизменно повышалось градус положительности: от резко критического у Флоренского – через чуть более мягкое, амбивалентное отношение у позднего Лосева к абсолютной апологии у Библихина. Для всех трех русских философов, причастных разным историческим ситуациям XX в. и очень чутко относившихся к историософской проблематике, Данте был значимой фигурой выражением сути эпохи – «образца» в случае Флоренского и Библихина и иллюстрацией переходного проторенессансного типа личности, вступившей на тупиковый путь развития – у Лосева.

Ключевые слова: русская философия, Средневековье, Ренессанс, Данте, Флоренский, Лосев, Библихин

Для цитирования: Кусенко О.И. Данте между Средневековьем и Ренессансом. Философская дантология Флоренского, Лосева и Библихина // Историко-философский ежегодник. 2021. № 36. С. 251–273.

Образ Данте, поэта, который прошел с русскими интеллектуалами через весь XX в., значительно трансформировался по ходу этого столетия. Для Серебряного века русской культуры

великий итальянец был духовный писатель и пророк *par excellence*, для советской дантологии – неутомимый обличитель пороков церкви и нарождающегося буржуазного общества, для перестроечного времени – возвратом на путь мировой культуры. Творчество Данте, как, видимо, и полагается *Sommo poeta*, порождает самые разнообразные порой взаимоисключающие интерпретации. Возьмем план хронологический – движение Данте по шкале от Средневековья к Новому времени – и рассмотрим, как трансформировался его образ и менялось его позиционирование на указанном временном отрезке у трех русских философов XX в., связанных отношениями ученичества: П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и В.В. Библихина. Для Флоренского Данте – человек Средневековья. У Лосева он выразитель проторенессанса (эпохи, собственно готовящей ренессансную и нововременную личность). Для Библихина Данте и есть сам Ренессанс, его суть. Можно предположить, что за данными различиями кроется некоторая недоговоренность о границах времен. Но я хочу показать, насколько образ автора «Божественной Комедии» у указанных философов был связан с их личным представлением о сути эпох Средневековья и Ренессанса и был включен в ткань их собственных концепций.

Данте и романтика Средневековья

Павел Александрович Флоренский – блестящий эрудит, какого только мог выкристаллизовать русский *fin de siècle*, глубоко вобрал в себя растворенное в воздухе начала XX в. восприятие Данте как мистика и духовного наставника. Творчество Данте, образы из его «Божественной Комедии» были любимы Флоренским, который был включен в процесс своеобразного «перемигивания» словами-образами Данте с понимающими читателями, вплетая их в тексты собственных сочинений без прямого цитирования (как часто поступали близкие философу поэты-символисты). Отсылки к Данте встречаются, например, в некоторых письмах из его книги «Столп и утверждение Истины». Начало VIII письма «Геенна» весьма близко первым стихам «Ада» Данте, а X письмо «София» явно проникнуто светом дантовского

«Рая». Флоренский считал Данте выразителем средневекового мировоззрения, средневековой культуры, которая еще не была оторвана от «искусства богоделания – феургии»¹, от питательных корней религиозного культа. Именно поэтому он считал возможным привлекать автора «Божественной Комедии», сочинения, к которому весьма настороженно относилась дореволюционная духовная цензура², к своей «православной теодицее».

Здесь стоит сказать несколько слов об историософии Флоренского, которая базируется на выделении двух ритмически сменяющих друг друга типов культур – средневековой и возрожденской. Культуре средневекового типа, согласно концепции русского мыслителя, присущи следующие признаки: целостность, органичность, соборность, диалектичность, динамика, активность, реализм, синтетичность, конкретность и самособранность. А вот по отношению к эпохе Ренессанса Флоренский известен своей крайне негативной установкой. Культура Возрождения для него блудная культура, отпавшая от Бога, она раздроблена, индивидуалистична, статична, иллюзорна, отвлеченна, поверхностна³. Сам Флоренский характеризовал себя как человека, придерживающегося средневекового мировоззрения, подчеркивая свое восхищение духовной цельностью и иерархичностью Средневековья. В 1930-е гг. на одном из очередных допросов философ так говорил о себе: «Я, Флоренский Павел Александрович, профессор, специалист по электротехническому материаловедению, по складу своих политических воззрений романтик Средневековья примерно XIV века»⁴. Свою эпоху

---

¹ Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Академический проект, 2014. С. 56–57.

² См.: Асоян А.А. Данте Алигьери и русская литература. СПб.: Алетейя, 2015. С. 12; Ланда К.С. «Божественная Комедия» в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб.: РХГА, 2020. С. 111–118.

³ Признаки культуры средневекового и возрожденческого типа Флоренский дает в многочисленных работах: «Автореферате (1925/26)», «Обратной перспективе», «Философии культа» и др.

⁴ Цит. по: Хагемейстер М. «Новое Средневековье» Павла Флоренского / Пер. с нем. Н. Бонечкая // Звезда. 2006. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=644> (дата обращения 02.09.2021).

Флоренский считал переходной от тупикового возрожденческого пути развития цивилизации к «Новому Средневековью», он чаял обновления, возвращения культуры в изначальное теургическое лоно, к целостному не раздробленному сознанию средневекового типа. И фигура Данте была для мыслителя своего рода образцом человека – носителя подобного сознания, а его творчество – напоминанием об утерянном нововременной цивилизацией умении восходить *a realibus ad realiora*. Можно сказать, что обращение к Данте становится для Флоренского важным моментом в постижении той особой целостности мира, к которой русский философ постоянно стремился. По справедливому замечанию итальянского литературоведа Н.М. Каухчишвили «Данте представляется нам одной из точек отправления Флоренского при формировании его мирозерцания и при попытке выработать всеобъемлющий синтез. Кроме того, Данте мог его привлечь и тем, что при рассмотрении мира как целого Средневековье представлялось ему уникальным культурным явлением, в котором он мог себе найти значительную опору...»⁵. Поэтому, в системе взглядов Флоренского, Данте не может ни на шаг подвинуться в сторону Ренессанса и Нового времени, а обеими ногами прочно стоит на средневековой почве.

Флоренский очарован глубочайшим символизмом Данте, в стихах его «Комедии» он находит близкие себе черты «конкретной метафизики». Анализируя фимиам кадильный как конкретное явление на страницах «Философии культа» русский мыслитель делает отсылку к кругам дантовских загробных царств, где часто именно в дыму итальянскому поэту встречаются души. Согласно Флоренскому (находящему в этом подтверждение у Данте), «входя в фимиамное облако, мы при ничтожнейшем перемещении и ничтожнейшем усилии, т.е. в порядке наших земных усилий, напряжений воли, работы земного старания, совершаем восхождение на головокружительные высоты». Фимиам, продолжает Флоренский «есть среда, благоприятствующая взаимному сближению для духовных сил и существ этого и иных миров. В дыме являются нам иные

---

⁵ Каухчишвили Н. П. А. Флоренский и итальянское треченто // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1989. № 35 (1–2). С. 59.

существа, как и мы являемся им: в дыме мы видим и друг друга. Отсюда и важность, почти необходимость кадила при поминании усопших»⁶.

В последнем обобщающем параграфе работы «Мнимости в геометрии», включенном в основной корпус работы в 1922 г. в память о юбилее Данте (600 лет со дня кончины 14 сентября 1921 г.), Флоренский обращается к пространственным представлениям поэта и ставит вопрос о «реабилитации Птолемеев-Дантовой системы мира»⁷, об ее актуализации для современной науки. Я не буду здесь приводить разбор данного параграфа из работы Флоренского, на эту тему существуют авторитетные исследования⁸. Для нас важно то, что в этом тексте мы, во-первых, видим как Данте и его представления о пространстве органично вписываются в миропонимание Флоренского, в круг основных интересов русского философа проблем: вопрос о двойственности мира, о сообщении двух миров, об антиномиях. Во-вторых, в данном тексте четко прослеживается установка Флоренского на «отрицание культуры, как единого во времени и в пространстве процесса»⁹. Философ смотрит на космос «Божественной Комедии» не исторически, не хронологически, он вписывает его в ткань того «будущего цельного мировоззрения»¹⁰, на которое были направлены все его научные и философские поиски. Здесь прошлое как бы наглядно сливается

---

⁶ Флоренский П.А. *Философия культа*. С. 247.

⁷ Флоренский П.А. *Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии. Опыт нового истолкования мнимостей*. М: Лазурь, 1991. С. 47.

⁸ См.: *Антипенко Л.Г.* Послесловие. О воображаемой вселенной Павла Флоренского // *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии. Опыт нового истолкования мнимостей. М: Лазурь, 1991. С. 69–95; *Флоренский П.В.* Трансформация Космоса: от Данте – или к иконе или к атомной бомбе // *Pavel Florenskij tra Icona e Avanguardia / a cura di M. Bertelé.* Venezia: Università Ca' Foscari, 2019. P. 147–159.

⁹ Флоренский П.А. Автореферат // *П.А. Флоренский.* Автореферат, Троице-Сергиева лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем. М.: Мир книги, 2010. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 22.

с настоящим или даже опережает его. Подытоживая свои размышления над образом мироустройства у Данте, Флоренский пишет: «Так, разрывая время, “Божественная Комедия” неожиданно оказывается не позади, а впереди нас современной науки». Эту мысль о древности, которая не позади, а ждет нас впереди, о древности, которая очень важна для настоящего, мы сохраним и вернемся к ней позже, говоря о Владимире Библихине.

Пространство проторенессанса у Лосева

Алексей Лосев, подхвативший и развивавший многие темы и идеи Флоренского, отчасти и его историософию с резко критическим взглядом на эпоху Возрождения, всё же выработал более комплексный и детальный взгляд на Ренессанс как культурное явление и, в частности, на фигуру Данте. Лосевская оценка эпохи Возрождения амбивалентна. С одной стороны, в Ренессансе он находит много «близкого, симпатичного и даже родного»¹¹: индивидуализм эпохи был еще слишком отрочески незрел и невинен, поэтому прекрасен¹². Восхищение Лосева вызывает и глубочайшая самокритика Ренессанса, присущее эпохе «чувство недостаточности одной только изолированной человеческой личности»¹³. С другой стороны, согласно Лосеву, Ренессанс является эпохой вырождения и распада, т.к. он дал необходимый толчок «первой и необходимой части сатанинского проекта нападения на Бога»¹⁴ (который в полной мере развернется после Канта), именно в эту эпоху человечество как бы свернуло с пути в еще не осознаваемый тупик.

---

¹¹ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1979. С. 310.

¹² О «родных» феноменах Возрождения у Лосева см.: Соломеина Л.А. «Эстетика Возрождения» А.Ф. Лосева как вызов советскому историческому сознанию // Философ и его время: К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: МАКС-Пресс, 2019. С. 337–341.

¹³ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 312.

¹⁴ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 261.

Начиная с работ 1930-х гг. Лосев проводит мысль о постепенном вызревании возрожденческого индивидуализма, постепенной потере личностью своей субстанциальности¹⁵, приобретенной в Средневековье¹⁶. Позднее в «Эстетике возрождения» он углубляет эту идею, наращивая на нее «плоть» из многочисленных примеров из области истории философии, литературы, изящных искусств. По сути, в этой работе на примере ренессансных личностей и их трудов раскрывается зрелая лосевская историософия: динамика отпадения европейской личности от Бога. Лосев живописует, как постепенно возрожденческая личность начинает видеть окружающую действительность как «эманацию, исходящую от нее самой»¹⁷. Отсюда уже несколько шагов до нововременного универсального субъективизма, к которому Лосев, вполне в духе Флоренского и Владимира Соловьева, питал особую неприязнь.

Отдельная глава «Эстетики Возрождения» посвящена так называемому проторенессансу – этапу перехода от Средневековья к Возрождению. Именно в проторенессансе было положено начало падения средневековой ортодоксии и иерархии. В этот

---

¹⁵ Подробнее о характеристиках субстанциональной личности и противоположного ей типа атрибутивной личности см.: А.Ф. Лосев. История античной эстетики. Т. VIII. Кн. 1 (2). М: Искусство, 1992. С. 105–109, а также: Ряснова О.В. Персоналистическая методология в историко-философских исследованиях А.Ф. Лосева // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 39–41.

¹⁶ Замечу, что у Флоренского звучит та же мысль о потере субстанциональности возрожденческой личностью. В «Столпе» он приводит свою знаменитую характеристику «растерянной и потерянной» улыбки «Джоконды» для иллюстрации понятия греха, который он определяет как момент «разлада, распада и развала духовной жизни. Душа теряет свое *субстанциональное единство*, теряет сознание своей творческой природы, теряется в хаотическом вихре своих же состояний, *переставая быть субстанцией их*» [курсив мой. – О.К.] (Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Гаудеамус, Академический Проект, 2012. С. 179). Если посмотреть на лосевское описание «Джоконды» из «Эстетики Возрождения» и сопоставить его с характеристикой Флоренского, то становится ясно, что для обоих было важно изменение самого качества личности в ренессансную эпоху. Лосев более тонко проработал то, что у Флоренского намечено штрихами.

¹⁷ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 521.

период, по Лосеву, «твердыня средневековой догмы покамест оставалась принципиально абсолютной... Все же пластически материальная индивидуалистическая и рационалистическая тенденция уже вещала здесь о наступлении небывало новой эпохи... эта новаторская тенденция философии XIII в. стала расти, развиваться, разрушать средневековые принципы и переводить чисто религиозную эстетику на пути светского развития человеческой личности»¹⁸. Итальянца Данте Лосев располагает именно в этом проторенессансном пространстве как одного из главных его представителей и выразителей. Философ подчеркивает, что для него Данте и его «Божественная Комедия» – наиболее яркая «литературная иллюстрация для всей эстетики проторенессанса», «выдающийся мировой образец этого сложного и трудноформулируемого стиля проторенессанса»¹⁹.

Такое позиционирование Данте в некотором лиминальном периоде человеческой истории отнюдь не было реверансом в сторону «ортодоксальной» марксистско-ленинской трактовки учения флорентийца, предлагавшей вслед за Энгельсом считать Данте «последним поэтом Средневековья и вместе с тем первым поэтом нового времени»²⁰. Лосев лишь камуфлировал свое отношение к эпохе и к отдельным ее представителям под советский канон ее трактовки²¹. На самом деле, проторенессанс, а затем Ренессанс и все последующие эпохи развития европейской цивилизации для Лосева – это не передовое явление, а, наоборот, вырожденческое. И, соответственно, Данте, по Лосеву, отнюдь не прогрессивный автор в марксистско-ленинском смысле.

---

¹⁸ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 175–176.

¹⁹ Там же. С. 203.

²⁰ Энгельс Ф. К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию Манифеста Коммунистической партии 1893 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXII. М.: Госполитиздат, 1962. С. 382.

²¹ Про «мимикрию» лосевской критики Возрождения под советский канон трактовки эпохи и ее последствий см.: *Evlampiev I. Soviet Studies in Renaissance Philosophy as a Basis for Developing a New View on History (1960–1980s)* // *Rivista di storia della filosofia*. 2018. No. 2. P. 332; *Manova I. Usare l'ironia per fare storia della filosofia: la lezione di Aleksej Losev* // *Rivista di storia della filosofia*. 2020. No. 3. P. 540.

Дистанцируется Лосев и от взгляда Флоренского на Данте как на человека цельного и сугубо средневекового. Как видно из расшифрованного Е.А. Тахо-Годи лосевского конспекта лекции о Данте, читанной им в рамках курса «Средневековой литературы» в 1930-х гг., философ обращался к рецепции дантового пространства у Флоренского²². Однако, несмотря на то, что Лосев в значительной степени отталкивался от интуиций последнего, всё же, много работая с текстуальным материалом и имея доступ к обширному пласту важнейших трудов в области ренессансных исследований, накопившихся за XX в., он заметил в XIII–XIV столетиях («романтиком» которых был Флоренский) не «расцвет католической догмы, но начало ее падения»²³. В проторенессансном периоде Лосев отмечает такие историко-философские противоречия и полутона, на которые не обращал внимания его предшественник, а именно «хаос противоречивых эстетических тенденций, в которых есть всё что угодно, начиная от неподвижной твердыни средневекового католицизма и кончая любовным расчленением его на отдельные и единичные моменты... дерзким отрывом их от целого»²⁴.

Скрытая «шпилька» упрощенной советской диалектике истории и одновременно негибкой историософии Флоренского звучит в следующих словах Лосева из его работы «Теория художественного стиля»: «Как бы ни противопоставляли средневековое и возрожденческое мировоззрение, тем не менее у Данте эти два мировоззрения каким-то чудом совмещены в одно нераздельное целое, так что уже давно стало традиционной истиной, что Данте одновременно последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени. Но, не умея теоретически противопоставить оба эти мировоззрения, как можно было бы находить их совмещение у Данте?»²⁵. Два больших раздела

---

²² Тахо-Годи Е.А. Данте в трудах, лекциях и прозе А.Ф. Лосева // Данте Алигьери: Pro et contra / Сост. М.С. Самарина, И.Ю. Шауб. СПб.: РХГА, 2011. С. 631–632.

²³ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 179.

²⁴ Там же. С. 180.

²⁵ Лосев А.Ф. Теория художественного стиля // Лосев А.Ф. Учение о стиле. М.: Нестор-история, 2019. С. 241.

«Эстетики возрождения»: «Проторенессанс XIII в.» и «Подготовка Ренессанса в XIV в.» посвящены у Лосева как раз указанному детальному рассмотрению процесса вызревания возрожденческого мировоззрения в твердых средневековой ортодоксии. И образ Данте как ведущего представителя этого процесса, в «Божественной Комедии» которого органично сочетаются противоречивые тенденции эпохи, сложен и пограничен. Лосев пишет: «При всей связи Данте со средневековым мировоззрением его художественные образы настолько индивидуальны и неповторимы, настолько единичны и в то же время пронизаны одной и всеобщей идеей, что в конце концов невозможно даже поставить вопрос о том, идеализм ли здесь перед нами или реализм, запредельная духовность или резко ощутимая нашими внешними чувствами картинность, средние ли это века или уже начало Ренессанса, духовная ли это поэзия или уже чисто светская»²⁶. От внимания русского философа не ускользает и «панибратское» отношение итальянского поэта к культу, он пишет: «Даже такой благочестивый человек, как Данте, не постеснялся посадить Беатриче, свою возлюбленную из городских мещанок, отнюдь не феодальную даму, на вершину той колесницы, которой в конце чистилища он изображает церковь»²⁷.

По сути, для Лосева Данте – уже личность с чреваточинной, начавшая утрачивать «целомудренное отношение к недоступным предметам религиозного почитания», к незыблемой иерархичности мира. Е.А. Тахо-Годи подчеркивает: «Такое нарушение иерархичности есть, с лосевской точки зрения, уже шаг к сугубому возрожденству. Для Лосева изначальная иерархичность мира – непреложный закон, который он не только пытается философски обосновать, создавая свою «абсолютную мифологию» в “Дополнении к «Диалектике мифа»”, но и в соответствии с которым он строит свою философскую систему, например, ту иерархию диалектических понятий, которая возведена им в книге 1927 г. “Философия имени”. Именно с этих религиозных позиций выдвижение возрожденцами собственной

---

²⁶ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 204.

²⁷ Там же. С. 112.

личности на первый план взамен единой универсальной Личности – Бога – представляется не чем иным, как грехопадением и сатанизмом...»²⁸. Неоднозначный образ Данте – человека, творчество которого подтачивает иерархию – глубоко связан с лосевским учением о личности и иерархии²⁹. Данте как человек проторенессанса трагически знаменует собой у Лосева начало постепенного вступления личности на тупиковый путь развития, постепенной утраты ею субстанциональности, накопленной в Средневековье.

Данте как центральная фигура Ренессанса

Представление о Ренессансе у Биbihина отлично от критической оценки эпохи у Флоренского и Лосева. Ему чужд «оттеенок инквизиции, готового жесткого суда»³⁰, с которым эти авторы подходят к эпохе. И в фигуре Данте, который для него сама суть Ренессанса, философ заостряет совсем другие черты. «Вы в расписании читающих в следующем семестре – “Данте”. Я в этом списке – “Ренессанс”, который для меня тоже – Данте и его возвращение у Леонардо, Макиавелли, Гвиччардини, Боттичелли, через Петрарку и Боккаччо...»³¹ – напишет Биbihин одним июньским днем другу семьи поэту, филологу Ольге Александровне Седаковой по поводу предстоящего обоим чтения авторских курсов в Институте мировой культуры МГУ осенью 1992 г. Этот курс, читанный спустя год после распада СССР, и книга «Новый Ренессанс» (частично отражающая содержание курса) стали настоящей апологией эпохи Возрождения,

---

²⁸ Тахо-Годи Е.А. Данте в трудах, лекциях и прозе А.Ф. Лосева. С. 637.

²⁹ Это подтверждает в том числе анализ лосевской художественной прозы, проникнутой дантовскими мотивами, представленный Тахо-Годи. См.: там же. С. 637–644; Тахо-Годи Е.А. О дантовских моделях в литературном наследии А.Ф. Лосева // Данте Алигьери: Pro et contra. Антология. Т. 2 / Сост. М.С. Самарина, И.Ю. Шауб. СПб.: РХГА, 2019. С. 483–506.

³⁰ Биbihин В.В. Новый Ренессанс. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 55.

³¹ Биbihин В.В., Седакова О.А. И слову слово отвечает. В. Биbihин – О. Седакова. Письма 1992–2004 годов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. С. 26.

образ которой в отечественной литературе был искажен, с одной стороны, марксистско-ленинскими клише и, с другой стороны – резкой критикой со стороны русских религиозных мыслителей. Биbihин предлагает вообще отказаться от попыток найти формулу Ренессанса. Отсылая читателей к Лосеву, которого (несмотря на принципиальное теоретическое расхождение) он считает автором «одной из самых ярких концепций Ренессанса как культурного явления»³². Биbihин замечает: «А.Ф. Лосев называет главным итогом своих многолетних размышлений о Ренессансе отказ в отношении его от “монистической формулы”. (Почему только от монистической? почему не от всякой формулы?)»³³ Полемизируя с Лосевым, а через него – с Флоренским, Булгаковым и всем кругом авторов Серебряного века, враждебно настроенных по отношению к Ренессансу³⁴, Биbihин подчеркивает, что для него представляется ошибочным взгляд на эпоху как на разрыв с прошлым, как на упадок и постепенное вырождение религиозного чувства, приведший к торжеству изолированного «я» и тупикам технократической цивилизации. Как раз наоборот, Ренессанс для него – «что-то выручающее из беспредела, возвращающее в колею»³⁵. Для Биbihина Ренессанс – не историческая точка начала вырождения европейской истории, а «высота, на которой цивилизация держалась недолго»³⁶. Именно в Ренессансе, согласно философу, «содержится ключ ко всей истории»³⁷, даже больше настоящая история только и может быть ренессансной, ведь

---

³² Биbihин В.В. Новый Ренессанс. С. 67.

³³ Там же. С. 54–55.

³⁴ Подробнее о критике Ренессанса см.: Кудрявцев О.Ф. Европейское Возрождение перед судом русской культуры // Музыка – Философия – Культура: Сборник статей участников цикла конференций (2013–2017). М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2020. С. 195–207; Седых О.М., Гришатов Ю.Л. Русский ренессанс о ренессансе // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 111–121; Andreev M. Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo // Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento / A cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012. P. 45–50.

³⁵ Биbihин В.В. Новый Ренессанс. С. 55.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С.44.

предельная задача человечества, по Бибахину, «это всегда возрождение, восстановление... возвращение полноты, апокатастасис»³⁸. В противоположность указанным авторам Бибахин ставит ренессансное мировоззрение выше средневекового. «Ренессанс, – говорит Бибахин, – с его этикой любви к бытию, участия к природе как хрупкому сокровищу, ответственности за историю ставит перед человеком более захватывающие и сложные задачи, чем духовность средневекового типа, которая в кризисной ситуации легко оставляет мир»³⁹.

Из наиболее значительных черт Ренессанса Бибахин выделяет две: внимание к прошлому, к традиции и активное деятельное отношение к собственной личности и к миру. В творчестве Данте эти черты ярко проявлены, поэтому он становится для Бибахина центральной фигурой Ренессанса, выражением его сути. Философ подчеркивает: «В художественной весомости и историческом звучании дантовского слова заложено характерное для последующей истории необратимое, внедряющееся отношение к природе и миру»⁴⁰. Данте весь в заботах о собирании и спасении отдельной личности, всего человечества, в деятельном участии в судьбе мира. Активизм – важнейшее, по Бибахину, ренессансное качество, на котором он заостряет свое внимание в работе «Новый Ренессанс». Философ считает, что не зря в Аду Данте (точнее, в *anti-Inferno*, в вестибюле Ада) самая беспросветная доля ждет не злодеев, а бездеятельных (*Ignavi*). Они обречены вечно бежать обнаженными за знаменем, вращающимся вокруг своей оси, и быть терзаемыми слепнями. Даже Ад их не принимает, они как бы застряли между жизнью и смертью, потому что они никак деятельно не проявили себя в судьбе мира (предпочитали не иметь собственных идей, оставаться всегда нейтральными и выступать на стороне сильного). Как я уже отметила, Бибахин читал свой курс о Ренессансе в очень сложный переходный момент для российской истории и он видел серьезную опасность для будущего русской культуры со стороны новых постсоветских *Ignavi*,

---

³⁸ Бибахин В.В. Новый Ренессанс. С. 44.

³⁹ Там же. С. 171–173.

⁴⁰ Там же. С. 57.

«социально опасной посредственности»⁴¹, людей которые привычны некритически мыслить и свыклись с амеханией собственного мышления. К этому переходному для российской истории фону своего философствования – перестройка и 1990-е – Бибихин постоянно отсылает слушателей и читателей, говоря о Данте. Отмечу, что Бибихин в этом не одинок. Данте вообще стал важной фигурой в культурном и философском пространстве этого переходного периода российской истории. Дантовские мотивы присутствуют в лекциях Мераба Константиновича Мамардашвили 1980-х гг.⁴², именно Данте благодаря Александру Львовичу Доброхотову стал героем заключительного издания знаменитой философской советской серии «Мыслители прошлого»⁴³; в 1990-х о Данте читают лекции о. Георгий Чистяков⁴⁴ и Ольга Александровна Седакова, последней принадлежит амбициозный проект нового построчного перевода «Божественной Комедии»⁴⁵. В общем, поэтическая антропология Данте, его персонализм, нацеленность его текстов на реальные действенные изменения в человеке, которую непрестанно подчеркивает Бибихин, оказалась удивительно созвучна переходному времени 1980–1990-х гг., с его особой сотериологической настроенностью и верой в необходимость и возможность перемен в человеке и обществе.

Второй момент, на котором акцентирует внимание Бибихин в своем образе Данте – это отношение итальянского поэта к древности, к традиции. В энциклопедической статье о Данте

---

⁴¹ Седакова О.А. Посредственность как социальная опасность. М.: Магистр, 2011. С. 9–44.

⁴² В одном из своих знаменитых лекционных курсов «Психологическая топология Марселя Пруста» Мамардашвили разворачивает тему духовного путешествия, пути личного спасения, которое совершается усилием мысли, иллюстрируя ее в том числе образами из путешествия в загробный мир Данте.

⁴³ Доброхотов А.Л. Данте. М.: Мысль, 1990. В 2017 г. вышло новое издание работы Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. М.: Common Place, 2017.

⁴⁴ Цикл лекций о Данте был прочитан о. Георгием на православном радио «София» в 1997–1998 гг. Теперь лекции вышли в отдельном издании: Чистяков Г.П. Беседы о Данте. М.: Центр книги Рудомино, 2016.

⁴⁵ См. об этом: Седакова О.А. Перевести Данте. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.

для «Новой философской энциклопедии» он подчеркивает собирательность его гения: «В осуществленный Данте синтез входят и греко-античный образ гармоничной полноты человека, и римско-античный гражданский активизм, и мистическая углубленность христианства»⁴⁶. Если Лосев видит в синтетичности Данте сложный переходный проторенессансный тип культуры, то для Бибикина в этой деятельной включенности в традицию, во внимании к прошлому не как к музею, а как к чему-то постоянно присутствующему в настоящем и состоит суть Ренессанса. Подобного отношения к традиции, желания быть просвеченным обличительным светом древности и восстанавливать в себе «добротность», древние вневременные добродетели Бибикин не видит в окружающей его действительности⁴⁷. «Современный человек, – говорит Бибикин, – так исключителен, что он ушел в неизвестность, в темноту и к нему стали неприложимы какие бы то ни было мерки оценки и критерии. Во всяком случае древность к теперешнему человеку неприложима. Он, небывалый, исчез из глаз. Древняя мысль, поэзия; добродетель, добротность были, наверное, хорошими, но прежними. Теперь все совсем другое»⁴⁸. Побороть это невнимание к традиции – одна из важнейших задач Бибикина, и с помощью Данте, с помощью красоты его мыслей и образов («когда он хочет вытряхнуть зло и ложь из мира, “как пыль из ковра”, то в нем электрическая искра такого напряжения», – говорит Бибикин, – «что все-таки проходит через слои веков»⁴⁹) он пытается донести до современного ему постсоветского человека ту мысль, что настоящая древность, традиция является не принуждающей и сковывающей силой, а вневременным драгоценным

---

⁴⁶ Бибикин В.В. Данте // Новая философская энциклопедия (в четырех томах). Т. 1 / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2000. С. 583.

⁴⁷ О критике «современности» на страницах «Нового Ренессанса» см.: *Евлатиев И.И.* Ренессанс как неудача и как новое начало: Концепция европейской истории в книге Владимира Бибикина «Новый Ренессанс» // *Stasis*. 2015. Т. 3. № 1. С. 347–350.

⁴⁸ Бибикин В.В. Новый Ренессанс. С. 230.

⁴⁹ Бибикин В.В., Седакова О.А. И слову слово отвечает. В. Бибикин – О. Седакова. Письма 1992–2004 годов. С. 42.

ресурсом, открывающим возможности к восстановлению и движению к новому. И в этом смысле наступление «Нового Ренессанса», о необходимости которого говорит Бибихин и который ждет впереди, это и есть приобщение к древности, к тому первому и единственному на все века Ренессансу (итальянскому Ренессансу), попадание в то же мироощущение, в то же настроение в хайдеггеровском смысле⁵⁰, которое дает возможность спасения, выхода из тупиков культуры и истории. «“Возрождение”, – говорит Бибихин, – не прошлый период нашей истории, а ее суть. Всякое открытие смысла это шаг к Ренессансу, который по своей задаче один теперь и в прошлые века»⁵¹. Философ поясняет свое нехронологическое отношение к Ренессансу: «Ренессанс в своем существе не склеивание прошлого из остатков, а искание настоящего. Настоящим оказывается то будущее, в котором настает древнее. Оно возвращается впервые, потому что было оно без того, чтобы вместить все настоящее. Древности прошлого как настоящего еще не было, она будет. Ренессанс вводит в узел, в котором завязывается история, т.е. настоящее время, которое должно наступить»⁵².

Подобное нелинейное отношение к Ренессансу⁵³, отказ от понимания этого периода лишь как пройденного исторического этапа, а, напротив, видение в нем качества бытия характерно для Бибихина и сближает его с пониманием времени и истории у Флоренского. Ведь концепт «Нового Средневековья» последнего тоже базируется на возвращении того качественно другого бытия, цельного отношения человека к миру. Кроме этого, нельзя не заметить, что черты мировоззрения средневекового типа у Флоренского и мировоззрения ренессансного типа у Бибихина до определенной степени схожи: оба выделяют целостность, активность, синтетичность как важные качества

---

⁵⁰ См.: Магун А. Понятие события в философии Владимира Бибихина // *Stasis*. 2015. № 1. С. 165.

⁵¹ Бибихин В.В. Новый Ренессанс. С. 23.

⁵² Там же. С. 26–27.

⁵³ Подробнее об онтологии времени «Нового Ренессанса» Бибихина см.: Павлов И. Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Бибихина // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 212.

своих излюбленных эпох. В любом случае, как бы ни были теоретически различны взгляды философов, их концепции объединяет фигура Данте, творчество которого каждый считает выражением сути своей эпохи-«образца», на которую необходимо ориентироваться современности.

Особенностью рецепции Данте у рассмотренных русских мыслителей является вовлеченность образа поэта в актуальный исторический и философский процесс: с помощью Данте они хотят сделать что-то с современностью, показать ту высоту и цельность мысли и жизни, к которой нужно вернуться, либо, наоборот, как в случае с Лосевым, показать ту точку, где европейская личность встала «одной ногой» на пагубный, но диалектически необходимый этап своего развития. Универсальный гений Данте органично встраивается в философские концепции всех трех рассмотренных мыслителей, и у каждого с ним связана своя задача: у Флоренского – «проложение путей к будущему цельному мировоззрению», у Лосева – анализ произошедшей с европейской личностью катастрофы, у Библихина – искание с помощью Данте путей жизни для современности, путей возвращения полноты бытия.

Список литературы

- Антипенко Л.Г.* Послесловие. О воображаемой вселенной Павла Флоренского // *Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. М: Лазурь, 1991. С. 69–95.
- Асоян А.А.* Данте Алигьери и русская литература. СПб.: Алетейя, 2015. 348 с.
- Библихин В.В.* Новый Ренессанс. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
- Библихин В.В.* Данте // Новая философская энциклопедия (в четырех томах). Т. 1 / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2000. С. 582–583.
- Библихин В.В., Седакова О.А.* И слову слово отвечает. В. Библихин – О. Седакова. Письма 1992–2004 годов. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 286 с.
- Доброхотов А.Л.* Данте. М.: Мысль, 1990. 208 с.
- Евлампиев И.И.* Ренессанс как неудача и как новое начало: Концепция европейской истории в книге Владимира Библихина «Новый Ренессанс» // *Stasis.* 2015. Т. 3. № 1. С. 344–363.

- Каухчишвили Н. П.А.* Флоренский и итальянское треченто // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1989. № 35 (1-2). С. 45-59.
- Кудрявцев О.Ф.* Европейское Возрождение перед судом русской культуры // Музыка – Философия – Культура: Сборник статей участников цикла конференций (2013–2017). М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2020. С. 195–207.
- Ланда К.С.* «Божественная Комедия» в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб.: РХГА, 2020. 642 с.
- Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
- Лосев А.Ф.* Теория художественного стиля // *Лосев А.Ф.* Учение о стиле. М.: Нестор-история, 2019. 455 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. М: Мысль, 2001. 559 с.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Том VIII, Кн. 1 (2). М: Искусство, 1992. 656 с.
- Магун А.* Понятие события в философии Владимира Библихина // *Stasis*. 2015. № 1. С. 156–176.
- Павлов И.* Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Библихина // *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 195–223.
- Ряснова О.В.* Персоналистическая методология в историко-философских исследованиях А.Ф. Лосева // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 2. С. 36–43.
- Седакова О.А.* Посредственность как социальная опасность. М.: Магистр, 2011. С. 9–44.
- Седакова О.А.* Перевести Данте. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. 123 с.
- Седы О.М., Гришатова Ю.Л.* Русский ренессанс о ренессансе // *Вопросы философии*. 2015. № 6. С. 111–121.
- Соломеина Л.А.* «Эстетика Возрождения» А.Ф. Лосева как вызов советскому историческому сознанию // *Философ и его время: К 125-летию со дня рождения А.Ф. Лосева*. XVI Лосевские чтения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: МАКС-Пресс, 2019. С. 329–341.
- Тахо-Годи Е.А.* Данте в трудах, лекциях и прозе А.Ф. Лосева // *Данте Алигьери: Pro et contra* / Сост. М.С. Самарина, И.Ю. Шауб. СПб.: РХГА, 2011. С. 629–645.
- Тахо-Годи Е.А.* О дантовских моделях в литературном наследии А.Ф. Лосева // *Данте Алигьери: Pro et contra*. Антология. Т. 2 / Сост. М.С. Самарина, И.Ю. Шауб. СПб.: РХГА, 2019. С. 483–506.

- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Гаудеамус: Академический Проект, 2012. 904 с.
- Флоренский П.А.* Философия культа (Опыт православной антроподицеи). М.: Академический проект, 2014. 685 с.
- Флоренский П.А.* Мнимости в геометрии. М: Лазурь, 1991. 95 с.
- Флоренский П.А.* Автореферат // *Флоренский П.А.* Автореферат, Троице-Сергиева лавра и Россия; Иконостас; Имена. Метафизика имен в историческом освещении. Имя и личность; Предполагаемое государственное устройство в будущем. М.: Мир книги, 2010. С. 21–27.
- Флоренский П.В.* Трансформация Космоса: от Данте – или к иконе или к атомной бомбе // Pavel Florenskij tra Icona e Avanguardia/ a cura di M. Bertelé. Venezia: Università Ca' Foscari, 2019. P. 147–159.
- Хagemейстер М.* «Новое Средневековье» Павла Флоренского / Пер. с нем. Н. Бонецкая // Звезда. 2006. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=644> (дата обращения: 02.09.2021).
- Чистяков Г.П.* Беседы о Данте. М.: Центр книги Рудомино, 2016. 219 с.
- Энгельс Ф.* К итальянскому читателю. Предисловие к итальянскому изданию Манифеста Коммунистической партии 1893 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. XXII. М.: Госполитиздат, 1962. С. 381–382.
- Andreev M.* Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo // Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento / A cura di L. Tonini. Firenze: Olschki, 2012. P. 45–50.
- Evlampiev I.* Soviet Studies in Renaissance Philosophy as a Basis for Developing a New View on History (1960–1980s) // Rivista di storia della filosofia. 2018. No. 2. P. 327–340.
- Manova I.* Usare l'ironia per fare storia della filosofia: la lezione di Aleksej Losev // Rivista di storia della filosofia. 2020. No. 3. P. 529–544.

Dante Between the Middle Ages and the Renaissance. Florensky, Losev and Bibikhin on Dante

Ol'ga I. Kusenko

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: isafi137@gmail.com

Abstract. This paper examines Dante's image in the works of P.A. Florensky, A.F. Losev, and V.V. Bibikhin. The author shows how, starting with Florensky, Dante was gradually moved up the scale from a person of the Middle Ages to a Renaissance man, while the attitude towards the Renaissance gradually became more positive: from an utterly hostile one in Florensky – through a slightly more positive, ambivalent view in the late Losev – to Bibikhin's apologetical overturning of the accusations to the Renaissance era. These three Russian philosophers belonged to different historical situations of the 20th century and were very sensitive to historiosophical problems. For all of them, Dante was a significant figure: the essence of the favourite era – a “model” for modernity – in the case of Florensky and Bibikhin and an illustration of a transitional Proto-Renaissance type of European personality that started on a path of historical and cultural development that was ultimately a dead-end – in Losev's case.

Keywords: Russian philosophy, Italian renaissance, Middle Ages, Dante, Florensky, Losev, Bibikhin

For citation: Kusenko, O.I. “Dante mezhdru Srednevekov'em i Rennansom. Filosofskaya dantologiya Florenskogo, Loseva i Bibikhina” [Dante between the Middle Ages and the Renaissance. Florensky, Losev and Bibikhin on Dante], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*, 2021, No. 36, pp. 251–273. (In Russian)

References

Andreev, M. “Il Rinascimento italiano come specchio del nichilismo russo”, *Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento*, a cura di L. Tonini. Firenze, Olschki, 2012, pp. 45–50.

- Antipenko, L. "Posleslovie. O voobrazhaemoi vselennoi Pavla Florenskogo" [About the imaginary universe of Pavel Florensky], in: P.A. Florenskii, *Mnimosti v geometrii* [Imaginarities in geometry]. Moscow: Lazur' Publ., 1991, pp. 69–95. (In Russian).
- Asoyan, A. *Dante Alighieri i russkaya literatura* [Dante Alighieri and Russian literature]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2015. 348 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. *Novyi Renessans* [New Renaissance]. Moscow: Progress-Tra-ditsiya Publ., 1998. 496 pp. (In Russian)
- Bibikhin, V. "Dante" [Dante], *Novaya filosofskaya entsiklopediya (v chetyrykh tomakh)* [A New Philosophical Encyclopedia (in 4 Vols.)], Vol. 1, ed. by V. Stepin. Moscow: Mysl' Publ., 2000, pp. 582–583. (In Russian)
- Bibikhin, V., Sedakova O. *I slovo slovu otvechaet. Vladimir Bibikhin – Ol'ga Sedakova. Pis'ma 1992–2004 godov* [And the word answers the word. V. Bibikhin – O. Sedakova. Letters 1992–2004]. St. Petersburg: Ivana Limbakha Publ., 2019. 286 pp. (In Russian)
- Chistyakov, G. *Besedy o Dante* [Conversations about Dante]. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 2016. 219 pp. (In Russian)
- Dobrokhotov, A. *Dante Alighieri* [Dante Alighieri]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 208 pp. (In Russian)
- Engels, F. "K ital'yanskomu chitatelu. Predislovie k ital'yanskomu izdaniyu Manifesta Kommunisticheskoi partii 1893 goda" [To the Italian Reader. Preface to the Italian Edition of the Manifesto of the Communist Party 1893], in: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya* [Works], Vol. XXII. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1962, pp. 381–382. (In Russian)
- Evlampiev, I. "Renessans kak neudacha i kak novoe nachalo: kontseptsiya evropeiskoi istorii v knige Vladimira Bibikhina 'Novyi Renessans'" [The Renaissance as Failure and New Beginning: Vladimir Bibikhin's Interpretation of European History in The "New Renaissance"], *Status*, 2015, No. 1, pp. 344–363. (In Russian)
- Evlampiev, I. Soviet Studies in Renaissance Philosophy as a Basis for Developing a New View on History (1960–1980s), *Rivista di storia della filosofia*, 2018, No. 2, pp. 327–340.
- Florensky, P. *Stolp i utverzhenie Istiny: opyt pravoslavnoi teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow: Gaudeamus Publ., Akademicheskii proekt Publ., 2012. 904 pp. (In Russian)
- Florensky, P. *Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Philosophy of Cult (The experience of Orthodox theodicy)]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2014. 685 pp. (In Russian)

- Florensky, P. *Mnimosti v geometrii* [Imaginarities in geometry]. Moscow: Lazur' Publ., 1991. 95 pp. (In Russian)
- Florensky, P. Avtoreferat [Autoreferat], in: P. Florensky, *Avtoreferat; Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya; Ikonostas; Imena. Metafizika imen v istoricheskoy osveshchenii. Imya i lichnost'*; *Predpolagaemoe gosudarstvennoye ustroystvo v budushchem* [Autoreferat; Trinity Lavra of St. Sergius and Russia; Iconostasis; Names. Metaphysics of Names in Historical Interpretation. Name and personality; Presumed Organization of the Future State], Moscow: Mir knigi Publ., 2010, pp. 21–27. (In Russian)
- Florensky, P.V. “Transformatsiya Kosmosa: ot Dante – ili k ikone ili k atomnoi bombe” [Transformation of the Cosmos: from Dante – to an icon or to an atomic bomb], *Pavel Florenskij tra Icona e Avanguardia*, a cura di M. Bertelé. Venezia: Università Ca' Foscari, 2019, pp. 147–159. (In Russian)
- Hagemeister M. “Novoye Srednevekov'e Pavla Florenskogo” [Pavel Florenskii's New Middle Ages], trans. by N. Boneckaya, *Zvezda*, 2006, No. 11, [<https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=644>, accessed on 02.09.2021]. (In Russian)
- Kauchtshischwili, N. “Florenskii i ital'yanskoye trecento” [Florensky and Italian Trecento], *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1989, No. 35 (1–2), pp. 45–59. (In Russian)
- Kudryavtsev, O. “Evropeyskoye Vosrozhdeniye pered sudom russkoy kul'tury” [European Renaissance under Russian culture's judgment], *Muzyka – Filosofiya – Kul'tura: Sbornik statei uchastnikov tsikla konferentsii (2013–2017)* [Music – Philosophy – Culture: Collection of articles by participants in the conference cycle (2013–2017)]. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr “Moskovskaya konservatoriya” Publ., 2020, pp. 195–207. (In Russian)
- Landa, K. “Bozhestvennaya Komediya” v zerkalakh russkikh perevodov. *K istorii retseptsiy dantovskogo tvorchestva v Rossii* [The Divine Comedy in the Mirror of Russian Translations. To the history of reception of Dante in Russian]. St. Petersburg: RHGA Publ., 2020. 642 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [The Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl' Publ., 1978. 623 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. *Dialektika mifa*, Moscow: Mysl' Publ., 2001. 559 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. *Teoriya khudozhestvennogo stilya* [The Theory of Art Style], *Uchenie o stile* [Theory of style]. Moscow: Nestor-istoriya Publ., 2019. 455 pp. (In Russian)

- Losev, A.F. *Istoriya antichnoi estetiki* [The history of ancient aesthetics], Vol. VIII, Book 1 (2). Moscow: Iskusstvo Publ., 1992. 656 pp. (In Russian)
- Magun, A. "Ponyatie sobytiya v filosofii Vladimira Bibikhina" [The Concept of Event in Bibikhin's philosophy], *Stasis*, 2015, No. 1, pp. 156–176. (In Russian)
- Manova, I. "Usare l'ironia per fare storia della filosofia: la lezione di Aleksej Losev", *Rivista di storia della filosofia*, 2020, No. 3, pp. 529–544.
- Pavlov, I. "Ontologiya vlasti kak ontologiya istorii: politicheskaya filosofiya Vladimira Bibikhina" [An Ontology of Power as an Ontology of History: An Appraisal of Vladimir Bibikhin's Political Philosophy], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2019, Vol. 18, No. 3, pp. 195–223. (In Russian)
- Ryasnova, O. "Personalisticheskaya metodologiya v istoriko-filosofskikh issledovaniyakh A.F. Loseva" [Personalistic methodology in A.F. Losev's historical and philosophical studies], *Logos et Praxis*, 2018. Vol. 17, No. 2, pp. 36–43. (In Russian)
- Sedakova, O. *Posredstvennost' kak sotsial'naya opasnost'* [Mediocrity as a social danger]. Moscow: Magistr Publ., 2011, pp. 9–44. (In Russian)
- Sedakova, O. *Perevesti Dante* [Translate Dante]. St. Petersburg: Ivana Limbakha Publ., 2020. 123 pp. (In Russian)
- Sedykh, O., Grishatova, U. "Russkii renessans o renaissance" [Russian renaissance about the Renaissance], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 6, pp. 111–121. (In Russian)
- Solomeina, L. "Estetika Vozrozhdeniya" A.F. Loseva kak vyzov sovetскому istoricheskomu soznaniyu ["Aesthetics of the Renaissance" of A.F. Losev as a challenge to the Soviet historical consciousness], *Filosof i ego vremya: K 125-letiyu so dnya rozhdeniya A.F. Loseva. XVI Losevskie chteniya* [The Philosopher and His Time: To the 125th anniversary of the birth of A.F. Losev. XVI Losev Readings], ed. by E. Taho-Godi. Moscow: MAKS-Press, 2019, pp. 329–341. (In Russian)
- Taho-Godi, E. "Dante v trudakh, lektsiyakh i proze A.F. Loseva [Dante in the works, lectures and prose of A.F. Losev], *Dante Alighieri: Pro et contra*, ed. by M. Samarina, I. Shaub. St. Petersburg: RHGA Publ., 2011, pp. 629–645. (In Russian)
- Taho-Godi, E. "O dantovskikh modelyakh v literaturnom nasledii A.F. Loseva" [On Dante's models in A.F. Losev's literary heritage], *Dante Alighieri: Pro et contra, Antologiya*, Vol. 2, ed. by M. Samarina, I. Shaub. St. Petersburg: RHGA Publ., 2019, pp. 483–506. (In Russian)